

УДК 93085+398(470+47)

ЛЕГЕНДЫ О «ДЖАНГАРЕ» В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ КАЛМЫКОВ

Михаил Убушаевич Монраев

доктор филологических наук, профессор

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,

Республика Калмыкия, г. Элиста

E-mail: kelen@kalmsu.ru

А н н о т а ц и я

Ойраты после переселения в пределы России, на Нижнюю Волгу, сумели сохранить свой эпос «Джангар». Ключевую роль в этом сыграли джангарчи — исполнители героических песен, которые традиционно пользуются большим уважением у калмыков. Статья посвящена подробному текстологическому анализу легенд о богатырях калмыцкого героического эпоса «Джангар», записанных в разное время российскими исследователями, а также творчески воспроизведенных в произведениях национальных авторов. Автор впервые вводит в научный оборот легенду о чудодейственном спасении рыбаков богатырями эпоса, услышанную от своего отца. Рассматриваемые им легенды сохранили фразеологию и интонации эпоса. Содержание легенд напрямую не связано с сюжетами эпоса, здесь присутствуют отдельные эпизоды, навеянные духом героического сказания калмыков. Художественная структура, весь стиль устных рассказов о «Джангаре» полностью соответствуют жанру легенды. Сравнение сюжета легенды, услышанной автором от своего отца, с ранее известными фабулами легенд о происхождении национального героического эпоса, получении сказительского дара его исполнителями — джангарчи, позволяет сделать вывод об оригинальности ее сюжетной линии, а также художественно-образительных средств. Сравнительный анализ легенд о «Джангаре», бытующих в национальном самосознании калмыков, и является предметом данной статьи.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Эпос «Джангар», сказительство, легенды о джангарчи, богатыри, калмыки, культура.

UDC 93085+398(470+47)

LEGENDS ABOUT “JANGAR” IN THE NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS OF THE KALMYKS

Mikhail Ubushaevich Monraev

Doctor of Philology, Professor

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

E-mail: kelen@kalmsu.ru

Annotation

The Oirats, after moving to the borders of Russia, to the Lower Volga, managed to preserve their epic “Dzhangar”. The key role in this was played by the dzhangarchi, the performers of heroic songs, who traditionally enjoy great respect among the Kalmyks. The article is devoted to a detailed textual analysis of the legends about the heroes of the Kalmyk heroic epic “Dzhangar”, recorded at different times by Russian researchers, as well as creatively reproduced in the works of national authors. The author for the first time introduces into scientific circulation the legend about the miraculous rescue of fishermen by the heroes of the epic, heard from his father. The legends he considered preserved the phraseology and intonations of the epic. The content of the legends is not directly related to the plots of the epic, there are separate episodes inspired by the spirit of the heroic epic of the Kalmyks. The artistic structure, the whole style of oral stories about “Dzhangar” fully correspond to the legend genre. Comparison of the plot of the legend, heard by the author from his father, with the previously known plots of legends about the origin of the national heroic epos, the receipt of the storytelling gift by its performers — dzhangarchi, allows us to conclude that its storyline is original, as well as artistic and visual means. A comparative analysis of the legends about “Dzhangar”, existing in the national self-consciousness of the Kalmyks, is the subject of this article.

Keywords

Epic “Dzhangar”, storytelling, legends about Dzhangarchi, heroes, Kalmyks, culture.

ВВЕДЕНИЕ

Грандиозная героическая эпопея «Джангар» является самым любимым произведением калмыцкого народа, ставшим в национальном сознании священным, олицетворяющим собой его бессмертное культурное наследие. В «Джангаре» дано подробное описание общественного и хозяйственного быта, жилища, одежды, пищи, обычаев, фольклора кочевников. В нем образно и красочно показаны разнообразные стороны жизни ойрат-калмыков в далекие «стародавние времена». Глубоко и точно отражены надежды и чаяния калмыцкого народа, его многовековая борьба за своё существование. Благословенная страна Бумба в народном сознании не только страна прошлого, «золотой век» в истории ойрат-калмыков, но и государство будущего. Извечная народная мечта об идеальном общественном устройстве с главенством законов добра и справедливости, приоритетом высокой нравственности, идеалов самопожертвования и патриотизма, стала основным лейтмотивом этого уникального творения устного народного творчества ойрат-калмыков.

В «Джангаре» создан мир в реальности пространственно-временного единства с центром — страной Бумба. Виртуальное пространство с обозначенными географическими названиями несет информацию о духовной культуре и этнофологических представлениях народа, создавшего сказочный мир, вокруг которого существуют иные миры. Понятие «виртуальное пространство» в научной литературе появилось сравнительно недавно. Виртуальное пространство — своеобразная ментальная карта реальности, существующая не реально, фактически, а лишь в нашем сознании как нечто возможное.

Совокупность имен собственных, существующих в виртуальной реальности, изучает особое направление ономастических исследований — виртуальная ономастика. В качестве ядра семантического поля в национальном героическом эпосе используются прецедентные онимы. Например, Бумба, Джангар (антропоним), с которыми связаны все события в этом великом творении национального эпоса. В связи с этим на первый план выходят вопросы перевода и интерпретации ключевых слов «Джангара» (Омакаева, 2013).

В калмыцком героическом эпосе воспеваются воинские подвиги калмыцких богатырей — героических защитников своего Отечества. Каждый из 12 героев «Джангара» наделен какой-нибудь главной, только ему присущей чертой. Санал — воплощение выносливости, Савар Тяжелорукий — силы, как и богатырь Гюзан Гюмбе, Алтан Цеджи — мудрости, Мингйан — носитель идеала красоты, «первый красавец вселенной», Ке Джилган — златоуст, которого никто не превзошел в искусстве словесной игры. Во главе этих богатырей стоит Джангар — государь идеальной, чудесной и сказочной страны Бумба. Это центральный персонаж эпической поэмы, распространенной главным образом у волжских калмыков и западных монголов. В магталах восхваления Джангару или иному какому-либо богатырю эпоса особенно подчеркивается его самая выдающаяся черта. Но вместе с тем у каждого из этих героев есть одна общая черта — страстная и беззаветная любовь к родине. Все вместе они — воплощение лучших качеств калмыцкого народного характера.

Особый интерес вызывает происхождение эпоса (Манджиева, Омакаева, 2011). Ойрат-калмыки создали много легенд о «Джангаре», передающихся из поколения в

поколение. Истории, поведанные в них, наделены рядом особенностей, присущих жанру легенды, с совмещением реальности и вымысла, истории и фантастики. Основной повествования в легенде служит фантастическое явление, тогда как в предании обычно есть реальная основа. Есть устные истории, живущие в самом народе, есть легенды, трансформированные в художественных произведениях калмыцких писателей. В обоих случаях речь идет, прежде всего, о чудодейственной силе и волшебной мощи самого героического эпоса и его героев, которым издревле приписывалась магическая сила.

Можно определенно сказать, что в фольклоре калмыцкого народа легенды составляют значительный пласт. Несмотря на свою распространенность и известность, жанры сказочной прозы, а к таковым исследователи причисляют легенды, а также предания, еще не стали объектом систематического изучения. Это и обуславливает актуальность выбранной темы исследования. В данной статье поставлена цель — показать бытование легенд о богатырях «Джангара» в устном народном творчестве ойрат-калмыков, а также их художественную трансформацию в национальной письменной словесности, где писательское мастерство умножено на ценность древнего памятника истории.

ОБСУЖДЕНИЕ

Интерес к народной культуре калмыков в российском обществе зародился в XVIII в. Первопроходцем в деле ознакомления своих соотечественников с калмыцким устным народным творчеством был адъютант Российской Академии наук И. Лепехин, опубликовавший в своей работе несколько калмыцких легенд и преданий (Лепехин, 1771). Богатейшему устному народному творчеству калмыков посвятили свои книги и исследования Б. Бергман, К. Голстунский, А. Бобровников, А. Позднеев, Г. Рамстедт, В. Котвич, И. Попов, Б. Владимирцов и др. ученые. О легендах писали в своих работах и современные исследователи (Басангова, 2011; Басаев, 2009; Осорин, 2015 и др.). Жанру сказочной прозы калмыков посвящен первый том серийного издания «Свод калмыцкого фольклора» (Мифы, легенды и предания калмыков, 2017). В легендах своеобразно отложились разные ступени исторического развития народа и его социального самосознания.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

История записи, публикации и научного изучения героического эпоса «Джангар» (Омакаева, Салыкова, 2017) показывает, что особое место занимают устные рассказы о его происхождении и исполнителях — джангарчи. Одну из таких легенд, услышанную во время своей поездки в Калмыцкую степь, впервые опубликовал в 1804 г. лютеранский пастор Б. Бергман (Bergmann, 1804). Вот ее краткое содержание:

Во времена Убаши хана на Волге, между Черным Яром и Енотаевским, в улусе Цебек Дорджи жил обычный калмык, имя которого не сохранила история. Однажды его поразила тяжелая болезнь, и он, как показалось родственникам, умер. Тело умершего закатали в кошму и, согласно древним законам, отвезли в степь.

Три дня и три ночи он лежал там и наконец очнулся от укуса собаки. Когда бывший покойник вернулся домой живым, все пришли в ужас и удивление. Но потом привыкли, и человек снова зажил прежней жизнью. Двенадцать месяцев прошло с тех пор. Однажды ненастным вечером в его кибитку попросился переночевать гелюнг (буддийский монах), которого семья приняла со всем гостеприимством. Перед тем как лечь спать, гелюнг спросил, не сможет ли кто-нибудь рассказать что-то интересное на ночь? Как только он спросил об этом, бывший умерший вызвался сообщить одну историю. Все, кто был в кибитке, поразились его таланту рассказчика, но еще больше удивились, когда он спел песню из «Джангара». Эта песня покорила всех присутствующих, а бывший мертвец поведал следующее: «Когда я, как вы знаете, умер, моя душа отправилась к Эрлик-хану. Испытав все очистительные ужасы бирида, душа моя предстала перед Эрлик-ханом. Множество странных существ окружали его трон. Одни играли на хууре, другие на цуре, третьи на домбре, кенкреге и бишкюре, услаждая слух владыки смерти. Эрлик-хан, заметив меня, раскрыл книгу и, посмотрев, сердито сказал эрлику, который сопровождал меня: «Зачем ты привел этого человека, его время еще не пришло. Отведи его обратно». Когда уже меня собрались отправить обратно, Эрлик-хан заметил, что я очарован музыкой его певцов. «Ты заслужил награду за перенесенный страх. Выбери из этих песен любую, которая тебе понравилась», — сказал он. Песнь о Джангаре понравилась мне больше всех, и я выбрал ее. Как только я дал понять это Эрлик-хану, он наложил печать мне на язык, сказав: «Возвращайся, но «Джангар» береги до тех пор, пока того не попросит гелюнг». И лишь сказал он так, как я был пробужден из мертвых. Я знал, какая великая честь исполнить «Джангар», но до этого дня был обременен обетом молчания».

Б. Бергман впервые обозначил исполнителей эпоса как джангарчи, которые речитативом исполняют героические песни. Сказитель, прежде чем стать рапсодом, проходит через мир мертвых, через болезни, через другие испытания, путешествует в Нижний мир, обучается исполнительскому мастерству, игре на инструментах и пр. Только пройдя через все это, он обретает сказочный дар.

Большую роль в получении дара играют духовные лица-гелюнги, которые являются своего рода проводниками будущего сказителя в потусторонний мир. Сами потусторонние силы наделены даром одаривать человека талантом сказителя. В записанной академиком Б. Я. Владимирцовым легенде об Этен Гончике дар сказителя тот получает будучи мальчиком от великана, который был царем драконов лу. С этого времени Этен Гончик стал исполнять героические эпосы. Люди, слушавшие эти героические песни, «смотрят на своих певцов, они признают, что разные сверхъестественные силы, духи внушают певцам во время экстаза эти образы, картины, эти звучные строфы даруют им силы выдержать страшное напряжение» (Владимирцов, 1923: 38).

Известный советский поэт и переводчик С. Липкин в послесловии к своему переводу писал, что «один маленький старик в островерхой барашковой шапке рассказал легенду о создании калмыцкого эпоса: “В драгоценное изначальное время, когда степь успокоилась после топота могучих коней, когда были подавлены все враги Бумбы — страны бессмертия, Джангар и его богатыри заскучали. Не стало сайгаков, чтобы поохотиться на них, не стало соперников, чтобы помериться с ними силою. Скука, как туман, вползала в страну Бумбы. Тогда, неизвестно откуда,

появилась женщина, но еще не жена, и была она великой красоты. Она вошла в кибитку, где восседали семь богатырских кругов, и круг старух, и круг стариков, и круг жен, и круг девушек, — и запела. Запела она о подвигах Джангара и его богатырей, об их победах над несметными врагами, о Бумбе, стране бессмертия. От теплоты ее голоса рассеялась скука, как туман под лучами солнца. Так родилась «Джангариада». Богатыри, слушая ее, становились снова веселыми и жизнелюбивыми, и нойон Джангар приказал им заучить эту песнь. С той поры появились джангарчи, над вечнозеленой землей Бумбы зазвенела наша великая песнь победы, поют ее и поныне»» (Джангар, 1940: 80-81).

Писатель Б. Б. Дорджиев в поэтической форме рассказывает легенду о появлении у калмыков героического эпоса «Джангар» (Доржин, 1941; 1959). В кругу бумбайских богатырей неожиданно появляется целомудренная рагини невиданной красоты и начинает воспевать их подвиги: «услышав ее песни, все люди успокоились, туман рассеялся, страна Бумба наполнилась радостью. Так, мой милый ребенок, произошли песни «Джангара»».

Эпос «Джангар» для калмыков не просто красивая легенда о стране вечной молодости и изобилия, а нечто святое, сакральное. К нему обращаются в самые трудные минуты, так было в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), в период депортации калмыков в Сибирь (1943 г.), когда многие калмыки брали с собой эпос «Джангар» как реликвию, об этом говорится в воспоминаниях и публикациях О. Городовикова, А. Балакаева, Б. Дорджиева и др.

Автору этих строк тоже приходилось слышать от своего отца — Монраева Убуша Манджиевича — древнюю легенду о происхождении эпоса «Джангар». В ней герои национального эпоса выступают защитниками попавших в беду рыбаков от беспощадной водной стихии. В конце 20-х — начале 30-х годов прошлого столетия из хотона Бексюд, что недалеко от села Улан Эрге (нынче пос. Красинский Лаганского района) вышли в море два рыбака: один пожилой, много раз бывавший в море, а другой — сноровистый молодой парень.

Дул легкий осенний ветер, который, радуя рыбаков, надувал парус, ускоряя ход небольшой лодки. Спустя 3-4 часа добрались они до знакомых мест, где обычно водилась осетровая рыба. Быстро закинули сети, затем отплыли недалеко, приготовили скромный ужин, поговорили о том о сем и легли спать, каждый думал о своем, и, конечно же, о завтрашнем дне — каким он будет: удачным или нет.

Проснулись чуть свет, умылись холодной морской водой и отправились проверить сети в надежде на хороший улов. Перебирая руками верхнюю подборку невода, медленно и тихо двигались на лодке вперед. Уже на полпути почувствовали, что сеть не пуста. Подплыли. В ней темнело что-то большое, покрытое тиной и водорослями. Ни хвоста, ни плавников не видно — все сливалось с водой, только глаза поблескивали, как звездочки на небе. Мужчины осторожно приблизились к ней, готовые забрать добычу вместе с неводом в лодку. Однако спокойно лежавшая рыба неожиданно ударила хвостом и рванула в открытое море, унося с собой рыбаков и невод. Когда испуг немного прошел, мужчины первым делом зацепили невод за лодку и стали думать: что же дальше делать?

Самое простое — избавиться от добычи и повернуть домой, но как можно бросить невод (хорошие снасти дорого стоят), да и обидно — убить столько времени

и возвращаться с пустыми руками. Думали, рыба долго не выдержит, устанет, выбьется из сил, но этого не случилось. Она по-прежнему уносила их вдаль¹. Начало светать, холодный осенний ветер дул с суши, а рыба по-прежнему «знакомила» их с примечательными местами, все дальше удаляясь от родных берегов. Когда окончательно рассвело, то увидели огромную рыбину, попавшую в сеть. Пожилой рыбак испуганно сказал: «Я многое видел на своем веку, но такую громадину-белугу вижу впервые. Не к добру, видимо». Эти слова напугали молодого рыбака. Страх виделся в его глазах. Вскоре стало темно. Мужчин одолевали мрачные предчувствия. Колючий холодный ветер все усиливался. Надо было что-то предпринять. Наконец пожилой рыбак произнес: «Так долго продолжаться не может, надо возвращаться. В нашу сеть попалась хан-рыба, такое бывает один раз в 100-150 лет. Мне об этом старики рассказывали, и я им верю, что такая встреча бывает неслучайной».

Делать нечего, скинули невод в воду и повернули назад. Ветер все усиливался, и маленькая лодка с рыбаками боролась со встречными волнами. Иногда мужчинам казалось, что из глубины моря слышится зов далеко уплывшей рыбы, и их лодку, сколько ни гребь, уносило на этот страшный призывный звук. Рыба будто им говорила: «Куда уходите от меня? Идите сюда, здесь хорошо, хорошо...». Рыбаки выбились из сил, потеряли счет времени. «Да, ничего не поделаешь, — сказал пожилой, — видимо, судьба. Море нас не только кормит, но и иногда требует жертвы». Он стал взывать к небожителям, бурханам, а молодой безучастно молчал, всматриваясь в темноту. Ветер все нарастал. «Сделайте же что-нибудь», — обращаясь к старшему напарнику, взмолился парень, почувствовав безысходность.

Пожилой рыбак начал, что-то припоминая, невнятно бубнить, а затем громко говорить. Потом его голос окреп, в глазах появился блеск, весь он преобразился, был очень возбужден. Казалось, что он находится в каком-то другом, сказочном, совершенно ином мире, будто нипочем ему стихия. Речь стала внятной понятной. Молодой прислушался. Да, он читал знаменитые строки «Джангара». Прошло немного времени, перед глазами рыбаков вдруг появились славные богатыри Джангара, выходящие из глубины моря. Рыбак только успел произнести: «О мани бадме хум». Все это казалось сказкой, дивным сном... из другого мира.

Неожиданно ветер стих, а затем, унося лодку, стал дуть в сторону родных берегов. Так благополучно закончился выход в море двух рыбаков, — завершил свое повествование мой отец.

Легенда, рассказанная нам в один из сибирских вечеров (в годы депортации калмыков в Сибирь), сохранилась в моей детской памяти. Я вспоминаю рассказ отца, взволнованную обстановку, родственников (2-3 семьи), собравшихся вокруг керосиновой лампы в нашей землянке. Песни эпоса помогли выжить калмыкам в нелегкие времена сибирской ссылки, преодолеть все превратности судьбы.

Второй раз эту легенду я услышал от своего отца уже на родине, в Калмыкии (1958 г.). Слушать «Джангар» приходили родственники, соседи, и стар и млад. Наша бабушка Авжа готовила для всех калмыцкий чай. Она знала, что это надолго, и создавала соответствующие бытовые условия для присутствующих. А слушателей было много. Все они размещались на земляном полу, образуя круг, в центре которого

¹Известно, что в начале 30-х годов прошлого столетия калмыцкие рыбаки Каспия выловили белугу весом в 700 кг, а в конце 50-х годов — 500 кг.

находился исполнитель. Он рассказывал «Джангар» обычно в вечернее время речитативом, слегка напевая. Прежде чем исполнять «Джангар», отец вначале рассказывал богатырские сказки (например, «Миитр нойон», «Мазан баатр» и др.). Видимо, это был один из приемов исполнителей, который таким образом обеспечивал постепенное вхождение в сюжет «Джангара», в этот сказочный, виртуальный мир богатырей славного Джангара. И только далеко за полночь отец завершал исполнение «Джангара» и сообщал, что в следующий раз он будет рассказывать о таком-то богатыре и называл имя другого богатыря — героя «Джангара».

Отец, еще находясь под впечатлением сказочной Бумбы, сразу же ложился спать, видимо, эмоциональное исполнение «Джангара» требовало много сил и энергии. Исполняя «Джангар», например, в годы сибирской ссылки калмыцкого народа, он вселял надежду и веру нам, детям и внукам, родственникам, всем, кто слушал его.

Видимо, легенда о «Джангаре» была распространена среди рыбаков и жителей Каспия. То, что мы изложили в прозе, у поэта Джангра Насунова говорится в стихотворении «Джангарчи». Сюжет следующий: Аюка-хан хочет угостить заморских гостей красной рыбой и отправляет в море несколько рыбаков. Они попадают в шторм, и судьба их остается неизвестной. Тогда на берег лаганский выходит сказитель и поет «Джангар»:

Джангарчи запеваает свободно
Многосильный калмыцкий «Джангар»
И смирил он морскую стихию,
Повернув на Лагань все ветра.
Это все мне поведали деды
В том краю, где белеет ковыль.
Говорили, что это легенда
Или просто далекая быль (Насунов, 1982: 65-67)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Акад. Б. Я. Владимирцов в книге «Монголо-ойратский героический эпос» напишет: «Джангариаду надо признать удивительной выразительницей народного духа, стремлений народа, его чаяний, она рисует его настоящий мир, вот эту его повседневную, настоящую жизнь, но только возведенную в идеал; она действительно является национальной поэмой» (Монголо-ойратский героический эпос, 1923: 68). Исполнялся эпос разными по социальному положению людьми: моим отцом, Монраевым Убушем Манджиевичем, в прошлом рыбаком, человеком неграмотным, не умеющим читать и писать, но прекрасно знавшим калмыцкие сказки, предания, народные легенды; известным калмыцким писателем, поэтом, переводчиком Дорджиевым Басангом Бюрюновичем, чье великолепное творчество пронизано богатейшими фольклорными традициями.

На одной из читательских конференций, на которой присутствовал автор данной статьи, писатель рассказывал: «Однажды дядя Очир подарил мне книгу «Джангар» с главами о Догшин Шар Гүргү и Догшин Хар Киняс.... В длинные зимние вечера родственники и соседи собирались у дяди Очира и я, сидя в центре круга на полу, читал им «Джангар». Они были восхищены подвигами Джангара, Хонгора, Санала.

Во время исполнения отовсюду слышались возгласы удивления и восторга: «По! Какая смелость! Вот это бесстрашие!» ... Такая реакция слушателей придавала мне силы, воодушевляла меня. А позже я не стал пользоваться текстом, а пересказывал наизусть, затем — исполнял нараспев. Такая форма лучше воспринималась присутствовавшими. Они были эмоционально восторжены и вдохновлены».

Оба они — и мой отец, и известный калмыцкий писатель — из того поколения калмыцкого народа, которое буквально жило в стихии национального устного народного творчества, поскольку в то время песни «Джангара» знали в каждом хотоне, их могли слушать часами, дни и ночи напролет.

Громадная общественно-воспитательная роль «Джангариады» подтверждается всей историей калмыцкого народа. Калмыцкие воины, участвовавшие в народных движениях Разина и Пугачева, в национально-оборонительных войнах русского народа против шведов в рядах войск Петра I, против нашествия Наполеона в рядах войск Кутузова, в гражданской и Великой Отечественной войнах, вспоминали о подвигах Джангара и его двенадцати богатырей. «Джангариада» всегда вдохновляла калмыцкий народ на борьбу за счастливую жизнь, за ту жизнь, которая протекает в волшебной стране Бумбе.

Народный героический эпос сохраняет свою жизненность, и общественное признание по сей день. В Калмыкии живут десятки сказителей, вдохновенно исполняющих песни о богатырях, эпос стал частью повседневной жизни калмыков. В наше время «Джангар» звучит на сценических подмостках международных, российских и национальных фестивалей, вопросам его изучения посвящаются научные конференции. В школах республики и Калмыцком госуниверситете на героическом национальном эпосе воспитывается подрастающее поколение.

Л и т е р а т у р а

Басаев, Д.Э. (2009). *Калмыцкие народные легенды и предания*: дисс. ... канд. филол. наук. Элиста: КГУ.

Басангова, Т.Г. (2011). Легенды и предания о получении сказительского дара у калмыков. *«Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения*: материалы Международной научной конференции (г. Элиста, 20-23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН. 53-54.

Владимирцов, Б. Я. (1923). *Монголо-ойратский героический эпос*. Петроград-Москва: Типография «Свето».

Джангар. Калмыцкий народный эпос (1940). Пер. Семена Липкина. Худ. В. А. Фаворский. Москва: Худож. лит.

Доржин, Б. Жаңһрч күүкнд (1941). *Шүлгүд болн поэмс*. Элст: Хальмг госиздат. 74–75.

Доржин, Б. Жаңһрч күүкнд (1959). *Өргн теегин өр дундан*. Элст: Хальмг дегтр һарһач. 120–121.

Легенда о первом джангарчи (2011). *Фольклор монгольских народов: исследование и тексты*. Т. I. Калмыцкий фольклор / Сост. Н. Ц. Биткеев. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар». 142-143.

Лепехин, И. И. (1771). *Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства*. СПб.: Императорская Академия Наук. Ч. 1.

Мифы, легенды и предания калмыков (2017). Подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев; Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука. Вост. лит.

Манджиева, Б. Б., Омакаева Э. У. (2011). К вопросу о генезисе эпоса «Джангар» в контексте ойратской эпической традиции. *«Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения*: Материалы международной научной конференции, Элиста, 20–23 сентября 2011 года. Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. 93–99.

Насунов, Д. (1982). *Тамариск*. Сост. Д. Б. Пюрвеев. Москва: Современник.

Овалов, Э. Б. (1978). Легенда о «Джангаре» в записи Б. Бергманна. *Типологические и художественные особенности «Джангара»*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 63–68.

Омакаева, Э. У. (2017). Из истории записи, публикации и научного изучения калмыцкого героического эпоса «Джангар» в контексте актуализации историко-культурного наследия монголо-язычных народов / Э. У. Омакаева, В. В. Салыкова. *Сетевое востоковедение: образование, наука, культура*: Материалы Международной научной конференции, Элиста, 07–10 декабря 2017 года / Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. 250–255.

Осорин, У. (2015). *Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ*. Отв. редактор, автор предисловия Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН.

Bergmann, B. (1804). *Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803*. Riga. Bd. I-III, 1804; Bd. IV, 1805.

Omaekava, E. (2013). Jangar Epic in the mirror of keywords: problems of translation and interpretation in the 21st century. *Төв Азийн Тууль-II = Центрально-азиатский эпос-II: Central Asian Epic Symposium Festival-II*, Улаанбаатар, 05–07 августа 2013 года. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2013. 291–293.

References

Basaev, D.E. (2009). *Kalmyk folk legends and traditions*: diss. ... kand. filol. nauk. Elista: KGU (in Russian).

Basangova, T.G. (2011). Legendy i predaniya o poluchenii skazitel'skogo dara u kalmykov. *«Dzhangar» i epicheskie tradicii narodov Evrazii: problemy issledovaniya i sohraneniya*: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Elista, 20-23 sentyabrya 2011 g.). Elista: KIGI RAN. 53-54 (in Russian).

Bergmann, B. (1804). *Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 and 1803*. Riga. bd. I-III, 1804; bd. IV, 1805.

Доржин, В. Жаңһрһ күүкнд (1941). *Shylgyd boln poems*. Elst: Hal'mg gosizdat. 74–75.

Доржин, В. Жаңһрһ күүкнд (1959). *Өргн teegin өр dundan*. Elst: Hal'mg degtr harhach. 120–121.

Dzhangar. Kalmyckij narodnyj epos (1940). Per. Semena Lipkina. Hud. V. A. Favorskij. Moskva: Hudozh. lit.

Lepekhin, I. I. (1771). *Daily Notes of the Journey of the Doctor and Associate of the Academy of Sciences Ivan Lepekhin in Different Provinces of the Russian State*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. Part 1 (in Russian).

Myths, legends and traditions of the Kalmyks (2017). Preparation of texts, translation, introduction, article, notes, comments, indexes, dictionary, reconciliation of Kalmyk texts by T. G. Basangova, T. A. Mikhaleva; resp. ed. A. A. Burykin, E. N. Kuzmina, V. V. Kukanova, G. Ts. Pyurbeev; Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. M.: Science. Vost. Lit (in Russian).

Mandzhieva, B. B., Omakaeva E. U. (2011). On the issue of the genesis of the epic “Jangar” in the context of the Oirat epic tradition. *“Dzhangar” and the epic traditions of the peoples of Eurasia: problems of research and preservation*: Proceedings of the international scientific conference, Elista, September 20–23, 2011. Elista: Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS. 93–99 (in Russian).

Nasunov, D. (1982). *Tamarisk*. Sost. D. B. Pyurveev. Moskva: Sovremennik (in Russian).

Ovalov, E. B. (1978). The legend of “Dzhangar” in the recording of B. Bergmann. *Typological and artistic features of “Dzhangar”*. Elista: Kalmyk book publishing house. 63–68 (in Russian).

Omakaeva, E. U. (2017). From the history of recording, publication and scientific study of the Kalmyk heroic epic “Dzhangar” in the context of updating the historical and cultural heritage of the Mongolian-speaking peoples / E. U. Omakaeva, V. V. Salykova. *Setevoe vostokovedenie: obrazovanie, nauka, kul'tura*: Proceedings of the International Scientific Conference, Elista, December 07–10, 2017 / Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Elista: Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova, 2017, pp. 250–255 (in Russian).

Osorin, W. (2015). *Myths, legends and legends of the Xinjiang Oirats and Kalmyks: a comparative analysis*. Responsible editor, author of the preface E.U. Omakaeva. Elista: KIGI RAN.

Omakaeva, E. (2013). Jangar Epic in the mirror of keywords: problems of translation and interpretation in the 21st century. *Tuv Aziyin Tuul-II = Central Asian epic-II*: Central Asian Epic Symposium Festival-II, Ulaanbaatar, August 05–07, 2013. Ulaanbaatar: Soyombo Printing. 291-293.

The legend of the first dzhangarchi (2011). *Folklore of the Mongolian peoples: research and texts*. T. I. Kalmyk folklore / Comp. N. Ts. Bitkeev. Elista: CJSC “NPP” Dzhangar “. 142-143 (in Russian).

Vladimirtsov, B. Ya. (1923). *Mongolo-ojratskij geroicheskij epos*. Petrograd-Moskva: Tipografiya «Sveto» (in Russian).